

Дело профессиональных критиков подробно рассмотреть и разобрать роман, мой же короткие заметки преследуют лишь одну цель — привлечь внимание читателей к этому достойному и многострадальному произведению.

Вячеслав Кондратьев.

АРСЕНИЙ ГУЛЫГА. Путями Фауста. Этюды германиста. М. «Советский писатель». 1987. 365 стр.

В книгу Арсения Гулыги наряду с работами о классиках немецкой литературы и состоянии советской германистики включены статьи-эссе, где автор выходит за рамки научного исследования. Здесь А. Гулыга, многократно бывавший в Германии, делится своими впечатлениями об этой стране, относящимися к разным годам — и к самым последним и ко времени окончания войны. Но эти впечатления не обычные воспоминания, а как бы переживания на германской почве тем и мотивов немецкой духовной истории, которые издавна интересовали и волновали исследователя. Свою задачу А. Гулыга видит в том, чтобы прояснить недостаточно проясненное коллегами-германистами, будь то представления о художественном методе в Германии второй половины XVIII века, будь то шиллеровские, с самого начала заигранные и развитые понятия «наивного» и «сентиментального».

И не случайно на многих страницах книги речь идет об Иммануиле Канте, наследие которого особенно сложно интерпретировать.

На мой взгляд, лучшая работа в сборнике — этюд о Канте-иронике. Чтобы написать о Канте как колючем сатирике, нужно увидеть Канта как бы изнутри его мысли. Нужно знать, что сатирическая жила в просветительский век порой нарочно не оголяется и не выставляется напоказ, что писатель часто довольствуется как бы беглой усмешкой — особое удовольствие в том, что противник не замечает издевательств. Канту глубоко запряганные сатира и ирония были по вкусу. Удачно прослеживая у Канта иронические и сатирические подтексты, А. Гулыга как бы открывает новое окно на немецкого мыслителя, через которое еще никто на него не смотрел.

Скажу об одной частности. Наш автор в конце войны — в разгромленном Кенигсберге. Кто-то написал на могиле Канта мелом: «Теперь-то видишь, что мир материален». Сразу всплывает вопрос: «Разве бомбы и разгром лучше доказывают материальность мира, чем звезды и земля?» Но что поделаешь, если душа поражена избытком материального, извергающимся на тело, и если, подавленная этим избытком, она готова доказывать факт материальности мира великому человеку-мыслителю, который ее не слышит и не услышит... Сама история вела руку писавшего, и, стертые, эти слова уже не вычеркнуть из памяти, коль скоро они были прочитаны. Это вновь возвращает нас к текстам А. Гулыги: к его интересной статье о мифе

(«Миф и современность») и, конечно, к рассуждениям о Канте. Смыкаются линии мысли в книге Гулыги: Кант как необыкновенный феномен человеческой мысли, могила Канта в разрушенном городе, Кант как мифологема обыденного сознания. Тут же — сам автор, Арсений Гулыга, философ, свидетель поворотного этапа в судьбе Германии, он же писатель, умеющий взглянуть на Канта по-новому.

В нашей гуманитарной науке А. Гулыга — представитель знания, устремленного к синтезу. Отсюда, думаю, германист — как обозначение профессии того, кто, в сущности, занят не только историей немецкой литературы, философии, но также историей немецкой культуры. И на родную русскую культуру германист А. Гулыга смотрит как бы сквозь призму основной своей специальности. В который уж раз со времен Владимира Соллогуба получается, что русский человек привозит с собой Россию с Запада... В этом возвращении к себе и к своему — внутренняя эволюция автора, несколько скрытая от читателя сборника статей.

А. Гулыга не утаил от нас того, что к русской культуре, к осознанию ее ценностей он пришел через немецкую мысль, через ее изучение, и не в последнюю очередь благодаря выдающемуся слависту Людольфу Мюллеру. О нем Арсений Гулыга написал с вдохновением. И точно так же, щедро и прямодушно, он воздает по достоинству многим из тех, с кем встречался в жизни. Таков певец-антифашист Эрнст Буш, таков самоотверженный издатель философских текстов Рихард Майнер, таков всемирно известный гейдельбергский философ Ганс-Георг Гадамер. Воздавать всем по достоинству, отучаясь от высокомерия и самодовольства, — наш общий долг, который А. Гулыга исполняет с радостью. И это одна из самых примечательных и симпатичных черт его книги.

А. В. Михайлов.

В. Г. ГОРОХОВ. Знать, чтобы делать (История инженерной профессии и ее роль в современной культуре). М. «Знание». 1987. 175 стр.

Говорить об инженерной профессии, о ее роли в обществе нелегко. Язык техники другой — проекты и конструкции, соединяющие научные открытия с миром вещей, служащих человеку. Однако можно попытаться осмыслить инженерную деятельность, обратившись к ее истории в контексте культуры, к ее взаимоотношениям с ремеслом, наукой, искусством. За такое-то исследование и берется автор этой книги. Мы узнаем об «инженерных» заботах строителей египетских пирамид и «технических подвигах» Гефеста у Гомера, можем рассмотреть рисунок, на котором изображен водяной будильник Платона, и прочесть удивительное свидетельство об Архимеде, который «даже на собственном теле, натертом маслом, проводил пальцем какие-то линии — поистине вдохновенный Музами, весь во власти великого наслаждения».

Кто он, инженер-профессионал? Самый краткий ответ на этот вопрос можно найти в приведенном здесь письме Леонардо да Винчи. Желая поступить на службу к герцогу миланскому Лодовико Моро, Леонардо пишет: «Я знаю способ делать...» Эти слова превосходно выражают, на мой взгляд, суть инженерной деятельности. Инженер-профессионал — самостоятельная личность, ориентированная на научный тип знания, для которой это знание важно не само по себе, а в его прикладном значении, как способ создания новых вещей («второй природы») в целях проективного преобразования мира. Это — творческая, поистине духовная работа, обогащающая как творца, так и все общество.

Почему же сегодня результаты инженерной деятельности, опирающейся на научную истину, пугают людей? Известно, например, что в одном из первых докладов Римскому клубу разрабатывалась идея «нулевого роста» техники и производства. История знает достаточно примеров прекращения научных исследований по этическим соображениям именно вследствие их антигуманного технического использования. У наших писателей можно встретить высказывания о прямом вреде не только техники, но уже и самой науки...

Автор не обходит этой проблемы. Наука, по его мнению, как раз и является гарантией полезности и успеха современной техники. До какой черты могло доходить в недавнюю пору пренебрежение серьезными научными обоснованиями инженерных работ, говорит хотя бы печально извест-

ная история с поворотом северных рек. «Современный инженер-конструктор должен учитывать не только конструктивные и технологические факторы, но и психологические, социальные, эстетические и многие другие. А это значит, что современному инженеру знаний физики, математики и техники явно недостаточно».

Анализируя процесс становления инженерной профессии в эпоху Возрождения, автор особо подчеркивает искусность, творческую озаренность, энциклопедичность знаний и разнообразие умений «инженеров-художников» того времени. Вот что писал Леонардо в своем знаменитом «Атлантическом кодексе», где речь идет об искусственной птице — прообразе сегодняшних самолетов: «Птица — действующий по математическим законам инструмент, сделать который в человеческой власти со всеми движениями его, но не со столькими же возможностями... Потому скажем, что этому построенному человеком инструменту не хватает лишь души птицы, которая должна быть скопирована с души человека». Смысл, думается, ясен. Все созданное разумом и руками людей должно иметь человеческую душу, а сама она, трудясь и творя «по законам красоты», возвышает и обогащает себя. Можно сказать, что будущее инженерной деятельности — в ее одушевлении, и этому должно послужить восстановление возрожденческой связи техники и искусства в личности творца.

М. Киселева,
кандидат философских наук.